

ДЖОН О'ДОНОХЬЮ

КЕЛЬТСКАЯ
МУДРОСТЬ

ANAM
CARA

Джон О`Донохью

Анам Сага. Кельтская мудрость

«Олимп-Бизнес»

1997

УДК 091.128

ББК 87.0

О`Донохью Д.

Анам Сага. Кельтская мудрость / Д. О`Донохью — «Олимп-Бизнес», 1997

ISBN 978-5-9693-0468-0

«Анам Сага. Кельтская мудрость» — книга о жизни и одновременно книга жизни. Ирландский поэт, философ, священник Джон О`Донохью — носитель, а не исследователь кельтской культуры, — подобно «другу души», анам сага, знает о нас и об окружающем нас мире больше, чем мы сами. Перемежая прозу и поэзию, он «переоткрывает» ставшую невидимой сегодня жизнь, далекую от спешки, автоматизма, штампов и уничтожения «себя настоящего». Дружба, любовь, душевность, умение смотреть и видеть, слушать и слышать, воспринимать каждое утро как дар и радость открытия, становиться мудрым и не бояться, — вот всего лишь несколько мотивов книги. Это текст, который хочется разобрать на цитаты, делиться им и бесконечно к нему возвращаться, чтобы не забывать «как жить». Рекомендуются всем любителям «медленного» — столь редкого теперь — чтения с наслаждением.

УДК 091.128

ББК 87.0

ISBN 978-5-9693-0468-0

© О`Донохью Д., 1997

© Олимп-Бизнес, 1997

Содержание

Наука просторной жизни	6
Благословение	9
Благодарности	10
Предисловие	11
Глава 1. Тайна дружбы	13
Щедрость света	13
Кельтский круг единения	14
Человеческое сердце никогда не может родиться вполне	16
Душе от природы свойственно любить	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джон О'Донохью
Анам Сага. Кельтская мудрость

*Научный редактор Т. А. Михайлова, доктор филологических наук,
Институт языкознания РАН*

Наука просторной жизни

В издательстве «Олимп-Бизнес» выходит замечательная серия «Как жить...». Каждая книга серии продолжает эту незаконченную фразу по-своему: «Как жить с деменцией», «Как жить с депрессией» и т. д. Книги обращены к людям, оказавшимся в какой-то особо трудной ситуации. «Кельтская мудрость» Джона О'Донохью как будто далека от всех этих тем. Она не имеет в виду какой-то особой конкретной трудности: тяжелой болезни, или старческого бессилия, или потери близкого, или чего-то еще, настаивающего человека и ставящего его в совершенно беспомощное положение. Но, читая главу за главой, читатель обнаружит, что Джон О'Донохью, в сущности, говорит с нами о том же трудном предмете: «Как жить...». Как жить человеку в современной цивилизации?

Автору есть с чем сравнить эту «современную жизнь» – и тем самым дать почувствовать, как она тесна и болезненна. Привычка усыпляет: а как же еще может быть? Отойдя в сторону, можно удивиться привычному. Джон О'Донохью глядит на привычное из мира кельтской традиции. Глядя оттуда, он говорит о том, как ментальные и психологические навыки, которые человек нашей цивилизации усваивает почти машинально, не успев задуматься, делают его – словами Гёте – «унылым гостем на темной земле». Джон О'Донохью вспоминает этого «унылого гостя» из знаменитой «Блаженной тоски». Но у него есть и другой, как будто противоположный образ непрожитой жизни: «беспомощный хозяин». Вспомнив или узнав некоторые вещи, говорит он, вслушиваясь в собственное восприятие, вы уже «не беспомощный хозяин своей омертвелой жизни, а временный гость, получивший в дар радость и возможности, которых нельзя ни выдумать, ни заслужить». Два таких решения: «быть гостем» на земле печально и «неправильно», как в этих стихах Гёте, и, наоборот, прекрасно и верно, как в этой древней мудрости, – не исключают друг друга. Собственное ложное положение можно сознать по-разному: можно чувствовать себя и дурным хозяином, и унылым гостем собственной жизни.

Джон О'Донохью вовсе не хочет продолжать бесконечную критику современной цивилизации, которой заняты многие (цивилизация потребления и подобные определения). Он не собирается предложить современному человеку в качестве альтернативы какие-то древние практики и эзотерические учения. Он просто отмечает в нашей «современности» некоторые пустоты и упущения, которые можно заполнить. Я неслучайно начала это предисловие со стихов Гёте, а не с древнейших ирландских стихов, обычаев и молитв, которые составляют сердцевину повествования Джона О'Донохью. То, о чем он говорит, нередко можно встретить и у новейших поэтов и философов, и я не буду вспоминать здесь всех, кто появляется на страницах его книги. Но в мире кельтской мудрости эти смыслы – а точнее, эти навыки обращения с вещами в мире и с самим собой – живут как у себя дома.

Джон О'Донохью не ученый-кельтолог. Кельтский мир – это то, в чем он вырос, это его начальный опыт в ирландской глуши, родной язык его души. Со своим первым опытом он пришел в мир книжной культуры. Он стал исследователем немецкой философии, католическим священником и поэтом. Он не историк религии, не этнолог. Некоторые моменты (например, особую привязанность к форме круга), которые он видит как характерно кельтские, можно встретить и в других древних традициях, славянских например. Это не так существенно. Джон О'Донохью хочет рассказать читателям о том опыте, который соприсущ человеку во все времена и который новые эпохи перестали считать важным или даже реальным. Так, в конце дня, замечает Джон О'Донохью, человеку наших дней трудно вспомнить, на что он смотрел в течение дня, что общалось с ним через его зрение.

Самая заметная утрата современности – не столько потребление, как особая герметичность человеческой жизни: отсечение того, что человек считает «своей жизнью», от мира (от неба и земли, от подземных движений и курса звезд и т. п., и т. п.), узость и теснота его суще-

ствования, как будто наглухо ограниченного социальным. Таким видит внутренний мир человека и современная психология. Полная противоположность такому самочувствию – кельтское искусство жизни, которое передают древние поэтические сочинения и христианские молитвы. Здесь неуместно было бы говорить о каких-то следах язычества: в древних кельтских молитвах нет и следа поклонения звездам или какому-то другому творению: просто человек не видит собственной жизни вне связи с ними. Он любит это творение и доверяет ему. Что-то похожее можно встретить и в народной русской молитве:

Спать ложусь, крестом крещусь,
Небом укрываюсь, звездами освещаюсь...

Не только душа (слово, которого современность чуждается), но само тело, как рассказывает Джон О'Донохью, живет во вселенной – и тогда, когда разум об этом не помнит. Вот как он говорит о памяти тела: «Мы олицетворяем тот неведомый мир, что хочет выразить себя через нас. Часто та радость, которую мы ощущаем, относится не к нашей личной биографии, а к земле, откуда мы вышли. Порой мы чувствуем, как нас переполняет печаль, словно мгла расстилается над землей. Пытаться подавить в себе это чувство – ошибка. Правильнее было бы понять, что оно рождено скорее нашей телесной оболочкой, чем сознанием. Лучше всего подождать, пока эта туча пройдет: она торопится куда-то еще. Мы слишком легко забываем, что у нашего тела есть память, которая сформировалась до нашего сознания и жила своей жизнью, прежде чем мы приняли свой теперешний облик. Современные лишь с виду, мы по-прежнему принадлежим древности, мы – братья и сестры, вылепленные из одной глины. Каждого из нас озаряет своя часть тайны. Чтобы по-настоящему стать собой, человеку необходимо древнее сияние других людей».

Из этой пространной цитаты можно представить себе общий тон повествования. Но представить себе темы, о которых будет говорить Джон О'Донохью, читатель вряд ли сумеет, пока не прочтет. Могу сказать, что, читая его книгу, я узнаю о многих вещах, мне прежде неизвестных – или известных совсем в другом ракурсе: о душе и теле (душа, «по-кельтски», окружает тело, как свет, а не заключена где-то в его глубине), о пяти чувствах (чего стоит связь говорения и вкуса – через язык, орган речи и орган вкуса), о лице и взгляде, о видимом и невидимом...

Другая утрата цивилизации – работа исключительно с жестким, техничным познанием, замороженным «данными», «выводами» из этих «данных» и практическими «результатами». Это знание, которое, по известному определению Р. Бэкона, – сила; иначе – инструмент овладения познанным, проникновения в неизвестное с тем, чтобы сделать его известным, устранение неведомого как неведомого. А неведомое, напоминает Джон О'Донохью, постоянно существует рядом с нами, и никакое знание этого положения не отменит. В нашей цивилизации происходит забвение о другом, шадящем и дружелюбном свете знания, который один и может открыть многие вещи, исчезающие перед жестким анализом. Таким образом, и переменив предмет своего интереса (заявшись древностями, скажем), человек может остаться с той же пустотой. «Такой духовный голод опасен тем, что люди стремятся пролить на всё резкий, беспощадный свет. Современное сознание не источает ласковый и почтительный свет, присутствие тайны не вызывает у него благоговения – оно стремится разгадать неведомое и завладеть им. Современное сознание похоже на жесткий, ослепительный свет ламп в операционной. Этот неоновый свет чересчур прямолинеен и ярок, чтобы приблизить нас к слабо освещенному миру души. Он враждебен сдержанности и тайне. Кельты обладали поразительной способностью чтить непостижимость и глубину. Их свет дружелюбен к темноте, он мягко прокладывает в ней тоннели и стимулирует работу воображения. Свечи не пытаются выведать у темноты ее тайны. В пламени каждой свечи есть и тень, и свет. Деликатное пламя свечи лучше всего подходит для освещения внутреннего мира».

Природнейшими свойствами души Джон О'Донохью называет сдержанность, немногословность и застенчивость. Не эти свойства поощряются современной цивилизацией! А без них невозможно никакое по-настоящему внутреннее общение. Без них невозможно услышать язык души, по которому скучает современность среди переполняющих ее чужих, заимствованных и пустых слов. В языке души молчания больше, чем прямого выражения. И еще: это стремительный язык (душа стремительна); выражения и даже мысли не успевают за ним. Ускользающая сущность истины – скорее ритм и созвучие, и уж никак не ряд однозначных дефиниций. «Духовная жизнь – это жизнь, пронизанная ритмом». Услышав ритм собственной жизни, совпав с ним, человек чувствует себя дома и на свободе.

Джон О'Донохью описывает разные ложные позиции в общении с миром, которые делают человека слепым, узким и в конце концов несчастным. Это взгляд, исходящий из страха, из недоверия, из стремления оценить предметы. Описание оценивающего взгляда мне показалось особенно интересным: «Человек, который на всё смотрит оценивающе, видит только черное и белое. Он всегда стремится исключать и разделять, поэтому в его взгляде нет сочувствия или любования. Для него смотреть – значит оценивать. Как это ни грустно, люди с оценивающим взглядом многого себя лишают. Они видят собственную измученную душу, спроецированную на внешний мир. Воспринимая лишь поверхность предметов, оценивающий взгляд считает ее их подлинной сутью. Ему не хватает ни способности прощать, ни воображения, чтобы проникнуть в глубину вещей и увидеть, что истина бывает парадоксальной. Подобная склонность к поверхностным суждениям порождает культуру, зацикленную на показном и внешнем».

Хочется приводить еще и еще замечательные наблюдения Джона О'Донохью, выросшие из кельтской почвы, но нисколько не ожидающие от нас какого-то «возвращения к основам», подражательства, стилизации, психологического тренинга (все эти вещи вызывают у него крайнюю неприязнь). Вот чего он решительно не хочет: «превратить кельтскую мистику еще в одну модную и экзотическую программу духовного развития, которые так любит наша падкая на сенсации, зависимая культура».

Название книги, древнее ирландское соединение двух слов, включающее в себя многие значения, из которых Джон О'Донохью выбирает «друг души», фокусирует все темы книги (неожиданно перекликаясь с образом Мартина Хайдеггера «голос друга», истолкованию которого французский философ Ф. Фейде посвятил книгу¹). Необходимость друга, другого («Как на сетчатке человеческого глаза есть слепое пятно, так есть и слепая сторона души, которую сам человек не видит») пронизывает человеческий мир. Красота неожиданным и удивительным образом оказывается у Джона О'Донохью дружелюбием.

Джон О'Донохью вспоминает, что в библейском языке «спасти» бывает синонимом «вывести на простор». Его книга намечает разнообразные тропы, которые выводят жизнь, измученную своей теснотой и узостью, жесткостью, «страхом себя» и беспощадностью к себе, на простор – его словами – «утешительной мудрости».

Ольга Седакова

¹ Фейде Ф. Голос друга / Пер. с фр., коммент., вступ. заметки: О. А. Седакова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.

Благословение

Посвящается Джозе

В день, когда
ноша камнем
ляжет тебе на плечи
и ты споткнешься,
пусть земля
пустится в пляс,
чтобы тебе не упасть.

А когда твои глаза
застынут за серым стеклом
и тебя настигнет
призрак утраты,
пусть вихрь красок —
синь, багрянец, зелень, лазурь —
разбудит в тебе
радость свежих лугов.

Когда у твоей лодки
истреплется парус мысли,
а океан ляжет перед тобой
черным пятном,
пусть желтая лунная дорожка
рассечет поверхность воды
и укажет тебе путь домой.

Да напитает тебя земля,
да будет с тобой прозрачность света,
да будет с тобой быстрота океана,
да будет с тобой помощь предков.

И пусть легкий ветер
несет тебе вслед
эти слова любви,
и да хранит тебя
их невидимый покров.

*Памяти моего отца, Падди О'Донохью, который был поэтом в
резьбе по камню, и моего дяди Пита О'Донохью, который любил горы.*

И моей тети Бриджид.

*Памяти Джона, Уилли, Мэри и Элли О'Донохью, которые
эмигрировали и теперь лежат в американской земле.*

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить Диану Реверанд, моего редактора в издательстве HarperCollins, за поддержку и помощь; Ким Уизерспун и ее агентство за веру в мою работу и участие в ее воплощении; Тами Саймон и Майкла Тафта из Sounds True за заботу и поддержку, а также Энн Миноуг за то, что она познакомила меня с ними; Джона Девитта, который прочел рукопись и подробно прокомментировал ее, высказав замечания по содержанию и стилю; Мэриан О'Бейрн, читавшую все варианты рукописи, за поддержку, бесценные редакторские советы и внимание; Дэвида Уайта за братскую заботу и сердечность; Эллен Уингард за помощь и уверенность в успехе; моих родных – за чудеса, которые они творят каждый день, и за смех! Благодарю этот край и моих предков; *áio mo cáirde a iugfoscaï agus solas*².

² Моих друзей, давших мне прибежище и свет (ирл.). – Здесь и далее примеч. переводчика.

Предисловие

Странно чувствуешь себя здесь. Тебя никогда не покидает ощущение тайны. По ту сторону твоего собственного образа, под твоими словами, над твоими мыслями – тишина иного мира. В тебе – целый мир. Только ты можешь рассказать себе об этом внутреннем мире. Открывая рот, мы выпускаем наружу звуки той горы, которую венчает наша душа. Эти звуки – слова. Мир полон слов. Люди всё время произносят слова – громко, тихо, в домах, на улице, по телевизору, по радио, со страниц газет и книг. Шум этих слов сохраняет для нас то, что мы называем миром. Мы берем друг у друга звуки и складываем из них узоры, предсказания, благословения, проклятия. Изю дня в день род человеческий скрепляет этот мир своими словами. Изреченное слово свидетельствует, что каждый из нас неустанно творит. Каждый из нас – художник. Все мы извлекаем слова из тишины и уговариваем незримое стать зримым.

Люди здесь недавно. Над нами, летя в бесконечность, кружатся галактики. Под ногами у нас – древняя земля. Нас вылепили из этой глины, придав нам прекрасные очертания. И всё же самый маленький камень старше нас на несколько миллионов лет. Молчащая вселенная ищет отзвука в наших мыслях.

Неведомый мир взыскует осмысления. Слова – хитрые зеркала, удерживающие твои мысли. Ты вглядываешься в эти слова-зеркала и улавливаешь отблески смысла, сопричастности, гостеприимства. Но под их сияющей поверхностью – темнота и молчание. Слова подобны двуликому Янусу: они смотрят одновременно вовне и внутрь.

Если мы привяжемся к чему-то внешнему, наше внутреннее не даст нам покоя. Мы почувствуем голод, который никакой образ, никакой человек, никакая деятельность утолить не в силах. Чтобы сохранить целостность, мы должны оставаться верными своей хрупкой сложности. Чтобы удерживать равновесие, нам следует соединять в себе внутреннее и внешнее, зримое и незримое, знакомое и неведомое, временное и вечное, старое и новое. Никто не делает этого за тебя. Ты – единственный порог своего внутреннего мира. В такой целостности – святость. Быть святым – значит быть самим собой и равно принимать миры, уравнивающие друг друга внутри тебя. За фасадом своего образа и его искажений каждый человек – художник в этом изначальном и неизбежном смысле. Каждый из нас обречен и удостоен быть своим внутренним художником, который на ходу творит неповторимый мир.

Пребывание человека на земле – тревожное таинство творчества, зримый знак незримой милости. Здесь мы получаем сокровенный и пугающий доступ к тайне. Дружба – радостный дар, наделяющий нас смелостью сделать шаг навстречу этому приключению, не пропустить его, принять в нем участие. Моя книга устроена как хитрое зеркало, в котором вы, быть может, разглядите присутствие и влияние дружбы – как внутренней, так и внешней. Дружба – созидательная и преобразующая сила. Она обнаруживает, что сближение – тайный закон жизни и мироздания. Путь человека – постоянное преображение. Состояние дружбы позволяет всему неведомому, безымянному и пугающему в конце концов открыть нам свое тайное родство с нами. Как художник, человек постоянно вызывает к жизни это откровение. Воображение – великий друг неведомого. Оно непрестанно взывает к силе возможности и осуществляет ее. Дружба, таким образом, не сводится к тесным сердечным отношениям между людьми; она гораздо более всеобъемлющая и мощная сила.

Мышление кельтов не было ни логическим, ни системным. Однако в своих поэтических умозаключениях им удалось выразить высшее единство жизни и человеческого опыта. Сознание кельтов не было сковано дуализмом. Они не разделяли взаимосвязанного. Воображение кельтов позволило ясно выразить ту внутреннюю дружбу, которая объемлет Природу, божественное, потустороннее и человеческое в их единстве. Тот дуализм, что разделяет зримое и незримое, время и вечность, человеческое и божественное, был совершенно чужд кельтам. Их

чувство онтологической дружбы открывало им мир опыта во всем его многообразии, неопределенности, символичности, фантастичности. Эта возможность творческой и объединяющей дружбы – дар кельтов нам, страдающим от мучительной разобщенности.

Кельтское понимание дружбы черпает вдохновение и достигает своей кульминации в возвышенном понятии *anam cara*. Слово *anam* на ирландском значит «душа», *cara* – «друг». Таким образом, *anam cara* – это «друг души». *Anam cara* называли человека, с которым делились самым сокровенным. Дружба понималась как акт приятия и сопричастности. Дружба с *anam cara* была вне каких-либо условностей и категорий. Между человеком и другом его души возникал древний и вечный союз. Вдохновляясь этой идеей, в первой главе мы рассмотрим дружбу как межличностные отношения. Прежде всего мы сосредоточимся на взаимном приятии и пробуждении близости между двумя друзьями. Поскольку сердце человека всё время переживает процесс рождения, любовь – это постоянное рождение творчества в нас и между нами. Мы рассмотрим тоску как знак божественного присутствия и душу как вместилище сопричастности.

Во второй главе речь пойдет о духовной дружбе с телом. Тело – бранный дом человека, его единственный дом во вселенной. Душа вмещает в себя тело, вот почему оно священо и заключает в себе высокое мистическое начало. Чувства – это преддверие божественного. Мистика чувств – мистика преображения. В третьей главе мы поговорим об искусстве внутренней дружбы. Когда человек перестает страшиться одиночества, в нем просыпается жажда творчества. Начинает проявляться его внутреннее богатство, о котором он забыл или которого не замечал. Он становится собой и приучается оставаться таким. Мысли – это наши внутренние ощущения. Погружаясь в тишину и одиночество, они помогают нам разгадать то, что находится внутри нас.

В четвертой главе мы обратимся к труду как поэтике роста. Незримое стремится обрести очертания, воплотиться в наших действиях. Так рождается внутренняя жажда труда. Когда между нашей внутренней жизнью и внешним миром труда возникает дружба, воображение просыпается и происходят значительные перемены. В пятой главе мы перейдем к дружбе с временем жатвы – старостью. Мы рассмотрим память как тайное хранилище ушедших дней нашей жизни и увидим, что страстное сердце не стареет. Время – это замаскированная вечность. В шестой главе мы попытаемся сказать несколько слов о неизбежной дружбе с нашим первым и последним спутником – смертью. Смерть – незримый спутник, сопровождающий нас на дороге жизни с момента рождения. Смерть – огромная рана мироздания, исток всех страхов и тревог. Дружба со смертью дает нам возможность славить вечность души, для смерти недостижимой.

Кельты любили круг. Они видели, что опыт, природа, проявления божественного цикличны. Вот почему и у моей книги кольцевая композиция. Сначала дружба рассматривается как пробуждение, затем мы переходим к чувствам как непосредственным проводникам в мир творчества. Это позволяет нам увидеть плодотворность одиночества; оно, в свою очередь, стремится выразить себя во внешнем мире труда и действия. Постепенно наши физические силы идут на убыль, и мы заглядываем в лицо старости и смерти. Композиция книги соответствует жизненному циклу, в котором человек шаг за шагом движется к смерти, а сама книга – попытка выявить заключенный в этом цикле глубинный смысл.

Главы замыкаются в кольцо вокруг скрытой, ненаписанной седьмой главы, которая отсылает к извечной невыразимости глубин человеческой души. Эта глава – о том, что нельзя назвать или описать. По сути, моя книга представляет собой попытку феноменологии дружбы в абстрактно-поэтической форме. Источником вдохновения для нее послужила поэтическая метафизика кельтской духовности. Перед вами не структурированный анализ того, что нам известно о кельтах, а размышления на более широкую тему, диалог с кельтским сознанием, попытка представить заложенную в нем философию дружбы, ее духовное понимание.

Глава 1. Тайна дружбы

Щедрость света

Если вам случалось выходить на улицу рано утром, до зари, вы наверняка заметили, что темнее всего бывает прямо перед рассветом. Сумрак сгущается, всё кажется безликим. Если вы никогда раньше не видели мира и не знаете, что такое дневной свет, вы не сможете представить себе, как рассеивается тьма, как являются тайна и краски нового дня. Свет неизмеримо щедр и в то же время ласков. Посмотрите, как встает солнце, и вы поймете, что свет умеет уговаривать тьму. Сперва свет словно едва касается горизонта пальцами – и вдруг ловко стягивает с мира одежды сумрака. Перед вами – тихая тайна нового рассвета, нового дня. «Никто и не подозревает, что дни – это боги», – говорит Эмерсон. Одна из трагедий современной культуры в том, что мы утратили связь с этими первоначалами природы. Урбанизация современной жизни заставила нас благополучно забыть о плодотворном родстве с матерью-землей. Мы созданы из праха, мы – души в брэнной оболочке. Нам необходимо чувствовать ритм нашего внутреннего, «брэнного» голоса, нашей тоски. Но в современном мире расслышать этот голос уже невозможно. Мы даже не осознаём своей утраты, и боль нашего духовного изгнания тем острее, что по большей части непонятна нам.

Ночью мир отдыхает. Деревья, горы, поля, лица свободны от оков формы и посторонних взглядов. Под защитой сумрака каждая вещь возвращается в свою первоначальную природу. Темнота – древнее лоно. Ночное время – время материнского чрева. Наши души резвятся на воле. Темнота освобождает от всего; утихает стремление выделиться и произвести впечатление. Ночью мы отдыхаем. Рассвет придает нам сил, это пора возможностей и надежд. Всё в природе – камни, поля, реки, животные – вдруг обновляется в сиянии нового дня. Как темнота дает покой и облегчение, так рассвет несет с собой пробуждение и обновление. Среди повседневной рутины и развлечений мы забываем, что нам даровано жить в необыкновенном мире. Изю дня в день рассвет открывает нашим глазам тайну мироздания. Рассвет заставляет нас снова и снова удивляться, он дает нам почувствовать «нездешность» окружающей нас природы. Удивительно нежное сияние вселенной окутывает всё вокруг. Уильям Блейк очень точно сказал, что «краски – это раны света». Краски заставляют ощутить присутствие таинственного в самом сердце природы.

Кельтский круг единения

В кельтской поэзии много говорится о красках природы, ее силе и мощи. Какие прекрасные слова находит она для ветра, цветов, волн, бьющихся о берег. Кельты почитали луну и обожествляли животворящую силу солнца. Многие кельтские боги считались источниками плодородия и связывали человека с природой. Кельты были детьми природы, и мир природы постоянно им сопутствовал. Природа питала их, они чувствовали себя ее частью и испытывали к ней глубокую привязанность. Кельтская поэзия природы исполнена тепла, удивления и чувства общности. Одна из древнейших кельтских молитв известна как «Лорика святого Патрика»; другое, тайное ее название – «Крик оленя». В ней не проводится граница между человеком и природными стихиями. Наоборот, именно силы природы направляют человека и помогают ему устремиться ввысь:

Я окружаю себя ныне
силою Небес,
светом Солнца,
сиянием Луны,
славой Огня,
быстротой Молнии,
порывом Ветра,
глубиной Моря,
постоянством Земли,
крепостью Камня.

Мир кельтов пронизан ощущением непосредственной взаимосвязи, сопричастности. Кельты благоговели перед светом. И это одна из причин, почему кельтская мистика в наше время – всё равно что новое созвездие на небосклоне. Мы одиноки, мы потерялись в своей бесплодной ясности. Мы отчаянно жаждем нового, ласкового света, в котором наша душа могла бы укрыться и вернуться к древнему чувству сопричастности. Нам нужен свет, сохранивший свое родство с темнотой. Потому что мы сыновья и дочери темноты и света.

Мы всегда движемся от темноты к свету. Сначала мы дети темноты. Наше тело и черты лица сформировались в теплом сумраке материнской утробы. Наше рождение – первый переход из темноты в свет. Наше сознание всю жизнь заключено в темную оболочку тела. Каждая наша мысль – искра, вспышка света во внутренней темноте. Чудо мысли – ее присутствие в нашей ночной душе; сияние мысли рождается в темноте. Каждый день – путешествие. Из ночи мы переходим в день. Все творческие способности пробуждаются на этом изначальном пороге, где свет и темнота испытывают и благословляют друг друга. Лишь научившись доверять этому древнему ритму, мы обретаем равновесие. Год – тоже путешествие, в том же ритме. Кельтам было присуще сознание цикличности нашего пути. Из сумрака зимы мы вступаем в пору весны, полную возможностей и порывов.

В конечном счете из света рождается жизнь. Где нет света, не может быть и жизни. Если бы Солнце отвернулось от Земли, то исчезло бы и всё живое на ней: люди, животные, растения. Землю снова сковали бы льды. Свет – таинственное присутствие божественного. Он не дает жизни угаснуть. Свет питает, пробуждает в природе тепло и краски. Душа пробуждается и живет в свете. Он помогает нам обнаружить внутри себя сокровенные глубины. Когда люди начали искать смысл жизни, свет стал одним из самых выразительных образов вечности и тайны бытия. В западной традиции, как и в кельтской, мысль принято сравнивать со светом. Озаряющий нас разум считается местом присутствия божественного в человеке.

Когда человеческий ум подступил к следующей величайшей тайне бытия – тайне любви, свет стал символом ее силы и постоянства. Когда в нашей жизни, в ночи нашего сердца просыпается любовь, она подобна восходу солнца. Безликость уступает место близости, страх – смелости; прежняя неуклюжесть сменяется грациозностью; то, что раньше не удавалось, теперь выходит непринужденно, в согласии с внутренним ритмом. Когда в нашей жизни пробуждается любовь, это подобно перерождению, обновлению.

Человеческое сердце никогда не может родиться вполне

Если тело человека рождается раз и навсегда, то рождение человеческого сердца продолжается постоянно. Сердце рождается с каждым новым переживанием. Всё, что с нами происходит, делает нас глубже, открывает в нашем сердце новые области. Об этом чувстве благодарного принятия происходящего Патрик Кавана³ говорит: «Хвалите, хвалите, хвалите / То, что произошло, то, что есть». Одно из красивейших таинств в христианстве – крещение. В него входит помазание сердца новорожденного. Таинство крещения восходит к еврейской традиции, где сердце считается средоточием всех эмоций. Сердце помазывают и потому, что оно главный орган – от него зависит здоровье младенца, – и потому, что оно станет прибежищем всех его чувств. В это время молятся о том, чтобы новорожденный не запутался в лживых сетях дурных чувств, обиды, саморазрушения. Смысл прошений и в том, чтобы чувства, которые ребенку предстоит испытать в жизни, не были стеснены, чтобы они лились свободно, увлекая его душу навстречу миру и принося ему радость и покой.

На фоне бескрайнего космоса и молчаливых тайников природы человеческое лицо кажется символом близости. Именно здесь, в этом знаке человеческого присутствия, божественность творения особенно ощутима. На человеческом лице – печать творения. У каждого человека есть и другое, внутреннее лицо, мы всегда его чувствуем, но никогда не видим. Сердце – внутреннее лицо, отражающее нашу жизнь. Путь, который проходит человек, нужен, чтобы это лицо стало прекрасным. Именно в нем сосредоточена любовь. Человеческая жизнь невысказана без любви. Ведь только любовь способна пробудить в нас божественное. В любви мы растем и становимся собой. Когда мы учимся любить и позволяем другому любить нас, мы возвращаемся к истокам собственной души. Мы согреваемся и чувствуем себя под надежной защитой. Мы пребываем в полном согласии с собой, в собственном доме, по которому тосковали. Внутренний рост и чувство обретения дома – неожиданный подарок, его мы получаем, когда любим. Любовь начинается с умения думать о других, с великодушного забвения себя. Именно это чувство позволяет нам расти.

Как только душа пробудилась, она устремляется на поиски, и вернуться назад мы уже не можем. Отныне мы обожжены жаждой, которая не даст нам увязнуть в трясине самодовольства и недоволенности. Нас подстегивает вечное. Мы презираем компромиссы и опасности – они могут преградить нам путь к вершине воплощения. Вступив на этот духовный путь, мы способны явить миру пример безграничной щедрости. Но порой легко быть щедрым по отношению к миру – отдавать, отдавать, отдавать и при этом быть скупым по отношению к себе. Если мы не научимся заботиться о себе, то потеряем душевное равновесие. Чтобы получать окружающую нас любовь, надо быть щедрым по отношению к себе. Мы можем изголодаться по любви. Можем долгие годы искать ее где-то в глуши, вдалеке от самих себя. А между тем всё это время любовь остается рядом с нами – рукой подать. Она на пороге нашей души, но мы не замечаем ее. Из-за какой-то раны дверь в сердце захлопнулась, мы не в силах отворить ее и принять любовь. Чтобы остаться способными принимать, нам надо сохранять чуткость. Александр Солженицын сказал: «Когда великий миг приходит и стучится в дверь, его первый стук бывает не громче твоего сердца – и только избранное ухо успевает его различить»⁴.

В пристрастии мира к власти и богатству заключается странный парадокс. В этом мире мы можем достичь огромных успехов, вызывать у всех восхищение, обладать несметными богатствами; у нас может быть чудесная семья, блестящая карьера, – но тем не менее мы порой

³ Патрик Кавана (1904–1967) – ирландский поэт и романист.

⁴ Солженицын А. Красное колесо. Август четырнадцатого. Книга первая // Собр. соч. в 30-ти томах. М.: Время, 2010. Т. 7. С. 338.

ощущаем себя совсем потерянными и несчастными. Если у нас есть всё, что мир может предложить нам, но нет любви, мы беднее последнего из самых обездоленных нищих. Сердце каждого человека жаждет любви. Если наше сердце не согрето любовью, мы не узнаем подлинной радости и наслаждения. Каким бы сухим, опытным, уверенным в себе и почитаемым другими человеком вы ни были, что бы ни думали вы сами о себе или другие о вас, в глубине души вы тоскуете по любви. Всем нам – вне зависимости от того, где мы, кто мы, какие мы, какой путь прошли, – нужна любовь.

Аристотель в «Этике» посвящает несколько глав размышлениям о дружбе. Дружба, говорит он, зиждется на идее добра и красоты. Друг – тот, кто желает другому добра. Аристотель указывает на то, как сложная индивидуальность человека, его внутренний мир находят отражение и удовлетворение в деятельной дружбе и в самом обретении друга: «К другу относятся как к самому себе». Он отмечает, что созревание подлинной дружбы требует терпения: «Хотя желание дружбы возникает быстро, дружба – нет». Дружба – благо, согревающее человека, отрада его жизни: «Никто не выберет жизнь без друзей, даже в обмен на все прочие блага»⁵.

⁵ Никомахова этика. Перевод Н. В. Брагинской.

Душе от природы свойственно любить

Душа нуждается в любви не меньше, чем тело – в воздухе. Когда душа согрета любовью, она становится собой. Все возможности, которые предоставляет человеку судьба, ждут пробуждения в его душе. Мы здесь, чтобы осознать эти возможности и найти им достойное применение. Когда в нашу жизнь входит любовь, пробуждаются, расцветают и растут незамеченные измерения нашей судьбы. Возможность – тайная сердцевина времени. На первый взгляд кажется, что время – нечто мимолетное. Каждый день, грустный или прекрасный, в конце концов исчерпывает себя и гаснет. Но по сути своей время – это преображение. Время чутко к любой возможности, оно ничего не теряет и не забывает. То, что время как будто уносит навсегда, оно на самом деле преображает и водворяет в хранилище памяти. Тайна творчества – в возможности. Мартин Хайдеггер говорит об «онтологической первичности» возможности. На глубинном уровне бытия возможность одновременно рождает то, что мы называем событиями и фактами, и меняет их направление. Душа – тихий и таинственный мир вечности. Душе от природы свойственно любить. Когда мы любим и позволяем другим любить нас, мы всё ближе к царству вечности. На смену страху приходит смелость, на смену пустоте – изобилие, на смену расстояниям – близость.

Когда у вас есть *anam cara*, друг души, ваша дружба не знает ран и ограничений, связанных с разлукой или расстояниями. Такая дружба живет, даже если друзей разделяют километры. Преодолев в себе поверхностное и эгоистическое, они общаются на уровне душ, поэтому разорвать их союз не так уж легко. Когда пробуждается душа, преображается и физическое пространство. Даже на расстоянии два друга могут оставаться «на одной волне» и по-прежнему ощущать течение жизни друг друга. Вместе с *anam cara* мы пробуждаем вечное. В пространстве душ расстояний нет. Это хорошо иллюстрирует эпизод из фильма «Пир Бабетты»⁶, когда пожилой военный за обедом разговаривает с женщиной, которую полюбил еще в юности, но она не согласилась стать его женой. Он говорит, что, хотя с тех пор они и не виделись, она всегда была рядом с ним.

Любовь – часть нашей глубинной природы, а потому, осознанно или нет, все мы ищем любви. Часто мы утоляем эту природную жажду совсем не так, как следовало бы. Уделяя чрезмерное внимание работе, карьере, интеллектуальным поискам, мы нередко удаляемся от живого присутствия любви. Когда речь идет о работе души, наши ложные заботы могут совсем сбить нас с дороги. Чтобы найти любовь, не надо далеко ходить – надо остановиться и подождать, когда любовь найдет нас. Мало где о любви сказано такими же прекрасными словами, как в Библии, особенно в Первом послании апостола Павла к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла... всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит»⁷

⁶ Фильм (1987) датского режиссера Габриэля Акселя по одноименной повести датской писательницы Карен Бликсен.

⁷ 1Кор. 13:5–7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.